

*Сергей
Саканский*

**Друг мой
сыщик**

ПРОКЛЯТЬЕ ДРЕВНЕЙ ГРОБНИЦЫ

Классический
детектив

Друг мой сыщик

Сергей Саканский

Проклятье древней гробницы

«Автор»

2014

Саканский С. Ю.

Проклятье древней гробницы / С. Ю. Саканский — «Автор»,
2014 — (Друг мой сыщик)

На окраине города обнаружено древнее захоронение. Это настоящая археологическая сенсация: в запечатанном склепе покоятся останки самого Овидия – великого античного поэта. Сотрудников экспедиции ожидает триумф, но события оборачиваются трагедией: археологи погибают один за другим. Независимый журналист Жаров предполагает, что столкнулся с настоящим проклятием, наложенным на гробницу, но его старый друг, следователь Пилипенко, уверен, что имеет дело с серией хорошо продуманных убийств. И все же: какова природа таинственных явлений в древнем могильнике? Что видел на дне ямы сторож – настолько ужасное, что его разум не выдержал этого зрелища?

© Саканский С. Ю., 2014

© Автор, 2014

Сергей Саканский

Проклятье древней гробницы

Смутная преамбула

По мере того, как приближалась археологическая выставка, Жаров все чаще заглядывал в оба ящика своей газеты – как в ячейку на главпочтамте, так и в интернете, надеясь найти персональное приглашение. Приглашения не было даже за три дня до открытия выставки. Это означало, что его и вовсе не будет. Можно было «обидеться» и забыть об этих странных ученых, нашедших могилу Овидия в окрестностях Ялты, хотя каждому школьнику известно, что первый в мире певец эротики похоронен в Констанце, однако чисто журналистское любопытство победило самолюбие: Жаров закрыл свою маленькую редакцию на ключ и пошел. Ничего, обойдется. Будет не аккредитованным репортером, а просто обычным посетителем.

Позже, вспоминая эту историю, записывая ее от третьего лица, в надежде протолкнуть весь свой сериал на киностудию, которая, впрочем, давно ничего не снимала, он с грустью думал, что история-то не очень киношная: убийства начинались где-то с середины, а поначалу шла какая-то длительная экспозиция преступлений, будто накапливалась некая чудовищная энтропия – таинственные случайности, мистические параллели с Египтом и даже вполне реальный призрак... Не говоря уже о чисто земной влюбленности, которой и вовсе не место в классическом детективе.

Загадочная табличка

Пять минут пешком через дворы, и Жаров уже стоял перед афишей выставки, рассматривая череп, грудную клетку и далее – весь скелет певца эротики, наполовину расчищенный от земли, лежащий по античной традиции на правом боку. Рядом с ним поблескивала метровая линейка, скелет будто обнимал ее. Был виден длинный конический кинжал, какие-то глиняные сосуды. Среди них особо выделялся один – примечательный кувшинчик с треугольным сколом на горлышке.

Вокруг раскопанной ямы толпились люди, одетые чрезвычайно легко, будто не над могилой они склонились, а позировали на пляже.

Жаров сразу заметил ее: красивая женщина энергичного вида, с целеустремленным взглядом. В руке большая археологическая кисть, и этот застывший на фото жест означал, что женщина постукивает кистью о ладонь. Одета в легкий купальник с юбочкой. Жаров знал, что это руководитель экспедиции, Татьяна Лебедева: он не раз видел ее в инете и на фото в газетах, но не имел чести быть представленным ей лично.

Остальных археологов Жаров осмотрел мельком: две девушки и юноша, парень средних лет с ликом художника и старик – все в шортах, в футболках, панاماх от солнца, а старик – грустный, даже унылый пожилой человек – в самодельном головном уборе-кораблике из газеты. Жаров пригляделся: нет, то был не «Крымский криминальный курьер», а всего лишь «Литературка». Оно и понятно: разве может человек науки интересоваться детищем какого-то Жарова? Скорее, это был профессор Коровин, недавно погибший, о чем на днях сообщала местная пресса.

Археологическая экспедиция

Поиск продолжается

Такова была надпись на афише. Неплохое название для статьи, – подумал Жаров. – Пусть обвинят его в плагиате, пусть эта женщина вырастет на пороге редакции в своем купальнике, потрясая свежим номером...

Жаров вошел в здание выставочного зала. Экспонатов было немного – предметы римской культуры: небольшие амфоры и вазы. Именно они были изображены на афише. Жаров узнал среди них и тот самый кувшинчик, особую примету которого трудно не заметить. В центре экспозиции, на возвышении под стеклом – белела квадратная мраморная табличка с латинским текстом.

В дальней части зала собралась группа людей. Жаров услышал низкий, хорошо поставленный женский голос, все отчетливее различал слова. Это была та самая археологиня: она выступала перед аудиторией, представляя свою выставку. В руке женщина держала указку, постукивала ею по ладони.

– ...и предметы быта древних римлян, – уловил Жаров, приближаясь. – Среди них есть достаточно ценные артефакты: изделия из драгоценных металлов, медный половник, которым разливали вино... Чего вы улыбаетесь?

Жаров вздрогнул, недоуменно оглянулся: он и в самом деле рассматривал зеленоватый, мутно блестящий медный половник, и улыбался... Нет, как было видно издали, Лебедева говорила эти слова одному из слушателей – известному в городе черному археологу, то ли по имени, то ли по кличке «Рудольф», который пристально следил за успехами своих белых коллег, что вполне естественно.

– Да! – продолжала Лебедева, окинув его строгим взглядом. – Медь в те времена ценилась выше, чем золото. Но все меняется, господа. Вот, например, расколотый кувшинчик, который древние хозяева просто выбросили, стоит сейчас немалых денег...

– И где его можно купить? – небрежно поинтересовался Рудольф.

– Перестаньте! – одернула его Лебедева. – Вы-то уж лучше меня знаете. На черном рынке, разумеется, – это пояснение она сделала уже для слушателей. – А вот мраморную плиту со стихами самого Овидия вы не найдете нигде. Мы предполагаем, что буквы высечены собственной рукою поэта. И нет никакого сомнения, что скелет, найденный нами, Овидию и принадлежит.

Она указала на большую витрину, где вместе с землей и фрагментами керамики, в своей естественной среде, лежал скелет, точно также, как и на фотографии в раскопе.

– Ой ли? – огрызнулся Рудольф.

– Мы уже почти не сомневаемся, – парировала Лебедева. – А вы, мой драгоценнейший, не мешайте читать лекцию! Так вот... Месяц назад в окрестностях Ялты мы начали раскопки древнего захоронения, которое содержит ценные предметы. Известно, что на мысе Ай-Тодор находилась римская колония Харакс. Раскопки показали сенсационный результат. Есть все основания предполагать, что обнаружена могила античного поэта Овидия. Самая ценная находка – стихи Овидия, выгравированные на мраморной табличке. Этот предмет и навел нас на мысль, что скелет принадлежит поэту. В дальнейшем, шаг за шагом, мы стали находить в раскопе новые доказательства этому сенсационному факту. Давайте же теперь перейдем к осмотру нашей главной находки.

Жаров как раз и стоял подле витрины с главной находкой – стиховой плитой – и с интересом рассматривал высеченную в камне латинскую надпись. Лебедева направила сюда группу

экскурсантов. Рядом с Жаровым оказалась высокая пожилая женщина с шарообразной лиловой химией на голове. Она глянула в сторону приближающейся группы и отошла, успев, однако, переброситься с Жаровым несколькими словами, будто размышляя вслух в глубокой задумчивости:

– Это очень странная гробница, очень. Я никогда не видела ничего подобного.

– Что же в ней странного? – поинтересовался Жаров.

– Да все! Почему-то рядом лежат предметы из совершенно разных эпох и культур. Это будто бы какая-то коллекция... Гм! Коллекция.

Лицо собеседницы вдруг переменялось, она закрыла глаза, качая головой, затем вздрогнула, будто очнувшись.

– Что с вами? – удивился Жаров.

– Да так. Нелепые порой приходят в голову мысли, – пробурчала женщина и быстро отошла прочь.

Тем временем Лебедева и ее свита подошли стенду. Жаров указал на табличку.

– Это – стихи? – спросил он у Лебедевой.

– Да. И довольно известные.

Отвечая Жарову, она даже не посмотрела на него. Провела по строке указкой и прочитала по латыни, подглядывая в маленькую книжку, которую достала из дамской сумочки:

– «Что тебе, резвый шалун, с могучим оружием делать? Нашим плечам не пристала подобная ноша...»

Жаров пытался поймать ее взгляд, но Лебедева упорно не смотрела на него. Пока она читала стихи, Рудольф медленно, боком оттесняя посетителей, приблизился к Жарову.

– Желтой прессе мой пламенный привет, – прошептал он.

– Мой ответный, довольно бледного пламени – черным археологам, – также шепотом ответил Жаров.

– Не такой уж я и черный, если разобраться, – проговорил Рудольф с некоторой обидой, артистически проведя ладонью по своей рыжей шевелюре.

– Это снаружи, – серьезно сказал Жаров.

Посетители уже оглядывались на них.

– Не мешайте работать, господа! – прикрикнула Лебедева, с неприязнью глянув на Жарова. Он вздохнул и опустил глаза.

– Впрочем, экскурсия уже закончена, – проговорила археологиня. – Выставка подготовлена группой экспедиции областного археологического музея. К сожалению, не все сотрудники экспедиции присутствуют здесь.

Ее лицо вдруг помрачнело.

– Нашего научного консультанта, известного профессора Михаила Николаевича Коровина с нами больше нет, – сказала она.

Лебедева повернула голову, с грустью глядя куда-то. Жаров проследил за ее взглядом и увидел у стены, в маленькой нише между двумя музейными стендами фотографию с черным крепом на углу.

Жаров подошел к фотографии и задержался у нее. Под портретом лежали цветы – обычные для такого случая красные гвоздики. Какой-то человек в форме охраны поправлял их. Поднял голову, свои не совсем трезвые глаза. Сказал:

– Хороший был дедушка. Можно было с ним душевно посидеть за банкой местного вина. Хоть и профессор, но со мной, простым секьюрити, на равных держался. Трагическая случайность.

Сторож экспедиции, значит. Секьюрити.

– А что случилось-то? – спросил Жаров, зная о происшествии только из скудной информации в местной газете.

– Свалился с обрыва в море. Как раз, вина слишком много выпил. Но я думаю, – сторож сделал загадочное лицо, – тут в другом дело.

– Как в другом? Неужели убийство?

Сторож махнул обеими руками.

– Про Тутанхамона слышали? Это такой же, только в Египте.

На словах «такой же» он указал на витрину, где под стеклом покоится раскопанный скелет.

– Ну, допустим, не совсем такой, – возразил Жаров. – Тутанхамон был мумией.

– Очень страшной мумией, – подтвердил сторож.

Его взгляд остекленел, по лицу пробежала тень ужаса. Он мотнул головой, сказал:

– Я, видите ли, в экспедиции работаю. По ночам дежурю. И вот, бывает... Мумия – не мумия, но что-то такое есть.

Жаров невзначай засунул руку в карман и щелкнул диктофоном. Рассказ сторожа и вправду поначалу казался интересным.

– Вскрыли мы эту древнюю гробницу на нашу голову. Вот и начали происходить несчастья. Как с теми бравыми ребятами, что откопали Тутанхамона.

– Как вы только что сказали, несчастье произошло лишь одно – с профессором.

Жаров кивнул на унылое фото покойного.

– Это только начало, я уверен! – воскликнул сторож. – Например, вчера утром в раскопе обрушилась плита, столько пыли поднялось! Слава богу, что никто не погиб. А мог бы...

Жаров, наконец, почувствовал острый запах перегара и его предположение подтвердилось. Он выключил диктофон.

– Ты пил вчера?

– Ошибаетесь, – с гордостью сказал сторож. – Я пил – сегодня!

Жаров отошел, покачивая головой. Огляделся. Его внимание привлекла тихая невзрачная девушка, которая также была изображена на афише выставки. Жаров подошел к ней.

– Простите, я видел вас на фотографии. Вы работаете в экспедиции?

– Да, я лаборант, – подтвердила девушка. – А вы из полиции?

Жаров в очередной раз удивился человеческой проницательности. Конечно, работая с милицией (теперь уж полицией) не первый год, он и сам как-то омилиционерился, подобно тому, как кинолог Ярцев с каждым годом все больше походил на свою собаку.

– Нет, я журналист, – сказал он, думая задать девушке несколько вопросов, но тут ему помешали.

Рядом с ними вырос человек лет сорока и неприязненно посмотрел на Жарова. Тоже сотрудник экспедиции: его козлиную бородку Жаров запомнил по афише.

– Ольга, нам надо поговорить!

Ольга смотрела на него широко раскрытыми глазами. По ее щеке вдруг скатилась крупная слеза.

– Не о чем нам говорить, – сказала девушка и поспешно отошла.

Жаров остался вдвоем с навязчивым господином. Тот неловко улыбнулся, будто ища понимания.

– Девушки... – изрек он. – Сегодня – солнце, завтра – луна. Можете взять интервью у меня: я – художник на этих раскопках. Моя фамилия Борович. Знаете, надо постоянно зарисовывать всякие находки.

– Да? У вас что – фотоаппарата нет?

– Ну, и снимаю, конечно. Но, по правилам, все должно быть зарисовано на ватманских листах отчета. Точные чертежи. Размеры. Каждая косточка скелета.

– Кстати, о скелете, – оживился Жаров. – По каким признакам установили, что это могила именно Овидия?

– А вы разве не видели табличку с его стихами? Да и скелет принадлежит мужчине.

– Ну и что? Может быть, какой-то мужчина любил стихи Овидия, читал их на городской площади, так всем надоел с этими стихами, что и запихнули табличку к нему в гроб. У него случайно череп не проломлен?

Жаров указал на табличку.

– Нет. Целый череп, круглый, – сказал художник. – Есть, впрочем, и другие признаки... Вот идет наша руководительница, Таня Лебедева. Спросите у нее.

В этот момент Лебедева проходила мимо, неприязненно покосилась на Жарова. Он поспешил обратиться к ней.

– Простите, можно вас на несколько слов?

– Смотря кто вы и что вам нужно.

Художник отошел, бредя сквозь толпу. Краем глаза Жаров заметил, что он направился к Ольге, примостившейся на стуле в дальнем углу.

– Я, видите ли, журналист, – сказал Жаров.

– От какой газеты?

– «Крымский криминальный курьер».

– Что-то не слышала о такой.

– Это небольшая частная газета, – с достоинством отрекомендовал Жаров свое детище, но лицо Лебедевой сделалось еще более скучным.

– Я ее владелец, главный редактор, – продолжал Жаров. – Штат у нас маленький. В принципе, газета из одного меня и состоит...

Лебедева сделала движение, чтобы отойти.

– Очень интересная газета, – уже безо всякой надежды говорил Жаров. – Обо всем загадочном, непознанном. О тайнах мироздания. О призраках, потусторонних явлениях...

Лебедева остановилась:

– Неужели?

Теперь она говорила с Жаровым вполоборота, стоя к нему спиной, из положения уходящей.

– Я слышал, у вас на раскопках происходят странные явления, – сказал Жаров.

– Это случается чаще в голове у некоторых сотрудников.

Она посмотрела на сторожа, крутившегося рядом, тот поспешно отошел.

– А вчерашнее происшествие? – с нарастающим любопытством спросил Жаров.

– Вы про обвал? Наш секьюрити вам уже поведал? Что ж, бывает при работе с грунтом.

Она вдруг закусила губу, похоже пораженная внезапной мыслью. Оглянулась, ища глазами кого-то... В этот момент Жаров окончательно понял, что все эти люди ведут себя довольно-таки странно, не так, как должны были... У него появилось устойчивое ощущение, что в этом кругу происходит какая-то история – длительная, тайная и зловещая. В то же время он просто смотрел на эту красавицу с восхищением.

– Какие же детали свидетельствуют о том, что этот скелет принадлежит Овидию? – спросил он.

– А вот, посмотрите! – воскликнула Лебедева.

Она взяла Жарова за рукав и подвела к одной из витрин. За стеклом лежал позеленевший, изрядно разрушенный бронзовый кинжал.

– Это именное оружие. На таких предметах обычно гравировалось имя владельца. Их клали в могилу – кто ж будет носить чужую вещь?

– Вижу какие-то буквы, – заметил Жаров.

– Не какие-то, а латинские – «UBL» «VID» и «AS». Если подставить их рядом со стертыми буквами, то мы получим однозначно: «Публий Овидий Назон» – таково было полное имя поэта.

Говоря, Лебедева продемонстрировала Жарову табличку, которая изображала схематический рисунок кинжала и воспроизводила недостающие буквы:

p-UBL-ius o-VID-ius n-AS-o

Лебедева откинула голову и продекламировала:

– «Что тебе, резвый шалун, с могучим оружием делать...»

Она умолкла на полуслове. Жаров задумчиво смотрел на кинжал.

– Неужели он имел в виду именно этот кинжал? – спросил он.

– Почему бы и нет? Считается, что Овидий умер и похоронен в Томах, ныне румынский город Констанца. Но могила его не была найдена до сегодняшнего дня. Между прочим, Александр Сергеевич Пушкин, путешествуя в наших краях, как раз и искал могилу своего собрата по перу.

На слове «Пушкин» она указала на портрет, висящий на стене: это была репродукция картины Кипренского, расположенная рядом с предполагаемым портретом Овидия в лавровом венке.

Всё это не вязалось. Пушкин в подкрепление к подлинности сенсационной находки уж никак не шел: Жаров хорошо знал его стихи и жизнь, и что-то нигде не встречал упоминания о такой тайной цели его проезда через Крым. «Прощай, свободная стихия...» – это конечно.

Жаров хотел бы все это сформулировать и возразить, но спохватился, вспомнив, что не стоит спорить с женщиной, если она не твой начальник. Кивать, развесив уши, ему также не хотелось, а продолжать разговор, казалось, было совершенно не о чем. Ситуацию разрешила сама Лебедева.

– А вот и Вышинская! – воскликнула она.

Жаров посмотрел по направлению ее взгляда и увидел ту самую женщину с шарообразной прической, которая говорила о странностях гробницы.

– Кто такая Вышинская? – спросил он.

– Специалист из Москвы, – ответила Лебедева. – Она приехала, чтобы освидетельствовать раскопки и дать квалифицированное заключение.

Тем временем Вышинская заметила, что они оба на нее смотрят и направилась к ним через зал.

– Я давно жду вас! – воскликнула Лебедева.

Вышинская взяла ее под локоть и решительно повела в сторону.

– Мне тоже надо с вами поговорить. И очень серьезно... – услышал Жаров ее удаляющийся голос.

Лебедева обернулась и красноречиво посмотрела на Жарова: дескать, я не прочь продолжить, но сам понимаешь, меня увели... Ладно, подумал он. Неплохое было начало. Хоть и не клеилось что-то сперва. Интересно: что такое в его поведении заставило женщину сменить гнев на милость? Жаров вспомнил по кадрам весь их разговор, но так и не понял, в чем был его переломный момент.

Обвел глазами зал, по которому рассеянно бродили посетители, разглядывая витрины и отражаясь в стекле. Все, с кем он говорил сегодня, прошли перед ним кинематографической панорамой. Вот сторож хватает за руку подростка, который взял глиняный сосуд и сделал вид, что пьет из него. Художник в задумчивости стоит у траурного портрета профессора Коровина и, теребя бородку, смотрит в сторону, где, в уголке, сидит лаборантка Ольга. Она плачет. Далее, на фоне окна, Вышинская и Лебедева о чем-то горячо спорят, размахивая руками. Мимо проходит Рудольф, явно пытаясь прислушаться к их разговору. В контровом свете окна видно, что его рыжая шевелюра точно такая же, как лиловый «одуванчик» Вышинской...

Странно, – подумал Жаров. – Будь это кино, то эта похожесть была бы придумана неспроста. Как-нибудь бы сыграли эти два силуэта.

Тутанхамон

Наутро, едва войдя в редакцию и разогрев компьютер, Жаров принялся набрасывать передовицу для очередного номера, но дальше заголовка дело не двинулось.

Археологическая экспедиция странная история

Он и не заметил, как раскрылась дверь, и в помещение вошел следователь Пилипенко. До управления было рукой подать, и старый друг имел привычку прогуляться и попить кофейку в уютном офисе, который Жаров снимал в стенах старинного особняка в Народном переулке.

– Стучаться надо, дружище! – сказал Жаров.

– Потому и не стучусь, что дружище, – парировал Пилипенко. – А тебе бы я посоветовал все же запирать дверь. Тогда все бы и стучались, даже я.

Проходя мимо стола, он заглянул в монитор и усмехнулся. Жаров зацепил его за рукав.

– Там на самом деле происходит что-то странное! – воскликнул он. – Все эти люди что-то скрывают, они явно не доверяют друг другу.

– В чем это выражается? – спросил следователь.

– Ну, они постоянно шепчутся, чего-то недоговаривают.

– И что же это за люди?

– Пьяный сторож... – начал было Жаров, но осекся под насмешливым взглядом друга. – Дело не в личности, а в том, что он говорил. У него создалось впечатление, что смерть профессора Коровина не случайна. Он видел кого-то или что-то, бродящее вокруг могилы...

– Что особенно умиляет у вас, писателей, – заметил Пилипенко, – так это сочетание слов «кого-то или что-то». Подразумеваются некие потусторонние силы, конечно.

– Он прямо говорил о призраке!

– Призраком может быть только переодетый человек. И это, смею тебя заверить, гораздо интереснее. Мне уже хочется ввязаться в эту историю. Кто там еще был подозрительный?

– Подозрительны все! – воскликнул Жаров – Например, лаборантка Оля. Она почему-то плакала, о чем-то спорила с художником экспедиции... Невзрачная такая, серенькая, словно мышка.

– Но ты, конечно, в нее немедленно влюбился, – с какой-то мрачностью заметил Пилипенко.

– Нет, что ты! Мне понравилась другая...

– Попробую угадать. Руководитель экспедиции Лебедева.

Жаров махнул рукой, но тут же смутился и покраснел.

– Да брось ты об этом! Сдается мне, что сторож недаром упоминал Тутанхамона. Есть версия, что все, побывавшие в том египетском подземелье, отравились неизвестным грибом, после чего сошли с ума, и с ними стали происходить всякие загадочные психические явления.

– С этим Тутанхамоном была действительно весьма странная история, – задумчиво проговорил Пилипенко. – И если мы с тобой оказались в развитие чего-то подобного, то действовать надо немедленно.

– Что? Матерый материалист наконец-то стал неофитом моей религии! Не поверю.

– А ты и не верь.

– Происшествия могут быть и случайными. Но все же! Два несчастных случая подряд. Профессор Коровин сорвался с обрыва, а руководителя экспедиции Лебедеву чуть было не задавило плитой.

– Точно, – сказал Пилипенко. – Все в этом мире взаимосвязано и никаких случайностей нет. Знаешь что... Давай-ка проедемся до этих раскопок, просто как двое любопытных, и посмотрим, что это там была за плита-убийца. У меня почему-то побаливает печень. А это значит – что?

– Интуиция!

– Так точно. Моя знаменитая солдатская смекалка.

Причудливый мир экспедиции

Через полчаса быстрой езды на полицейском «Жигуленке» друзья поднимались по узкой лестнице, вырубленной в скале.

– Наверное, профессор Коровин пролетел как раз здесь, – заметил Жаров.

Пилипенко угрюмо глянул на него:

– Угу. Поднимемся – уточним.

Наверху, на ровной площадке, был разбит лагерь археологической экспедиции – несколько временных построек и павильон, закрывающий раскопки, размером и формой не более летнего пивного заведения. Из павильона вышли парень и девушка, тут же откинули носилки с землей на металлическую сетку, ветер понес клубы пыли в сторону... Поставив пустые носилки на землю, рабочие принялись разгребать грунт по сетке. Жаров понял, что этот нехитрый прием позволяет собрать при раскопках каждую мелочь.

Девушка взяла что-то с сетки, рассмотрела, показала парню, тот покачал головой, и девушка выбросила в кучу земляного отвала, похоже, ненужный предмет.

Какой-то человек с большой папкой в руке не спеша проходил мимо, держась поодаль от кромки обрыва, вдруг оглянулся и помахал Жарову. Тот узнал художника Бореви́ча, с которым беседовал на выставке.

– Здравствуйте, господин журналист, – поприветствовал он Жарова и посмотрел на следователя, ожидая, что тот представится, но Пилипенко молчал.

– Вот о чем я говорил вчера, – сказал Бореви́ч, раскрывая папку. – Это и есть моя работа: все тщательно зарисовывать.

Пилипенко глянул через его плечо на чертежи и рисунки.

– Не эта ли плита? – деловито спросил он.

– Какая плита? – удивился художник.

– Которая вдруг, ни с того ни с сего рухнула?

– Точно – она. Только здесь она изображена в своем прежнем положении. Вы, я вижу, всё знаете. Тоже журналист? Коллега?

– Нет. Я друг этого молодого человека. Старый друг, – уточнил Пилипенко тоном, которым говорят «Бонд – Джеймс Бонд». – И я – следователь. Покажите-ка мне, любезнейший, то место, откуда случайно сорвался профессор Коровин.

Говоря, Пилипенко небрежно махнул перед лицом Бореви́ча своим удостоверением. Тот пожал плечами:

– Точного места не знаю. Где-то здесь.

Жаров отметил, что на слове «случайно» Пилипенко не сделал смыслового ударения, как это подразумевалось по ходу действия.

Следователь подошел к краю обрыва. Его полицейские ботинки чуть выступали над обрезом скалы. Далеко внизу меж камней плескались пенные волны.

– Проводите нас в раскоп, ладно? – сказал он Боровичу. – Я хочу посмотреть эту плиту живьем.

Через минуту Пилипенко уже сидел на корточках, осматривая плиту.

Поверх раскопа был сооружен павильон – пластиковая палатка на металлических столбах. Внутри было сумрачно, слепили светильники, солнечный свет пробивался сквозь дверной проем, оставляя за собой туманные лучи, когда парень и девушка с носилками проходили туда и обратно. В углу возился землекоп, молодой крымский татарин. Он копал, наполнял носилки. Сделав порцию работы, опирался на лопату и замирал, глядя перед собой. Когда ребята возвращались, они ставили перед ним пустые носилки и забирали полные. Землекоп снова брался за лопату. Весь этот цикл Жаров наблюдал на заднем плане.

Борович защелкнул свою папку, шутливо козырнул:

– Позвольте откланяться. У меня работа в камералке.

– В камералке? – переспросил Пилипенко.

Но художник уже не слышал его, он шел по павильону. Столкнувшись на входе с носильщиками, поклонился им и вышел.

– Камералкой они называют помещение для камеральных работ, – уточнил Жаров.

– От слова «камера»? – мрачно пошутил Пилипенко.

– Ага. Некая камера – КПЗ, куда для предварительного заключения поступают артефакты, вынутые из земли. Там они и хранятся. Там их измеряют, рисуют, переписывают и так далее. Начальница Лебедева, наверное, сейчас тоже в камералке.

Пилипенко погладил рукой плиту.

– Ладно. И с терминологией разберемся по ходу дела.

Он встал, обошел плиту, заглянул под нее, достал какую-то деревянную палку.

– Это очень интересно, – сказал он. – Очень...

– Нашел что-то? – спросил Жаров.

– Возможно. Эта плита на самом деле могла кого-то раздавить.

– Что я говорил! Проклятие древней гробницы существует!

Пилипенко держал в руках палку, постукивая ею о свою ногу.

– У тебя фотоаппарат с собой?

– Всегда.

Он достал из пенала, что висел у него на поясе, портативную камеру, махнул ею.

– Куда?

Пилипенко указал пальцем. Жаров снял, сам не понимая, что и для чего. Просто каменистую стену ямы, фрагменты плиты.

– Дойдешь до редакции, сразу пришли фото, – распорядился Пилипенко.

– Сам не знаешь или говорить не хочешь? – язвительно спросил Жаров.

– Пока одни только догадки.

Жаров пожал плечами. В этот момент всколыхнулись солнечные лучи от дверного проема, и на землю легла длинная изящная тень. В павильон вошла Лебедева.

– Художник сказал, что у нас гости... – проговорила она с порога, затем добавила, как это делают в кино, напоминая рассеянному зрителю, кто на самом деле находится в кадре: – Журналист и следователь.

– Это мой друг, – сказал Жаров, – Друг мой сыщик, – как бы в тон ей уточняя название фильма. – Он просто очень любопытный человек.

Следователь поднялся с корточек, сделал несколько решительных шагов, подошел к Лебедевой, коротко протянул ей руку, представился. Покончив с формальностями, сказал:

– Могу я увидеть вашу лаборантку? Как ее – Ольга?

– Да. Ольга Лукьяненко. Только у нее сегодня выходной.

– И где же она? – поинтересовался Пилипенко.

- С утра уехала в Симферополь.
- Не знаете ли случайно, зачем?
- И вправду, очень любопытный, – Лебедева улыбнулась Жарову, а на следователя глянула с тревогой, пожав обнаженными плечами, что получилось у нее довольно-таки красиво. Жарову показалось, что она бросила на него кокетливый взгляд, вернее, взгляд, отпущенный ему, показался кокетливым... Вдруг женщина нахмурилась, подумав о чем-то тревожном. Между прочим... – сказала она, – В тот день Ольга как раз не пускала меня в раскоп.
- Да? А почему? – удивился Пилипенко.
- Я не поняла. Она встала на моем пути и завела какой-то необязательный разговор. Я все порывалась пройти к своему рабочему месту, но она все время перебегала, вставала передо мной и опять начинала говорить о чем-то. Когда я, наконец, прорвалась и шагнула в свой угол, девушка вдруг закричала, скорчилась. Что-то вроде: «Ой, больно! Ой, помогите!» Я метнулась к ней. В этот момент и обрушилась плита. Я считаю это Божьим промыслом.
- Пилипенко слушал ее рассказ с большим вниманием.
- Само собой, – заметил он на «Божий промысел», затем задал наводящий вопрос: – Это было именно ваше рабочее место?
- Здесь везде мое рабочее место, – ответила Лебедева. – Но тогда я расчищала как раз там, под плитой.
- Значит, в том случае, если бы девушка не упала, не позвала бы вас, то плита обрушилась прямо на вашу голову. Что ж, благодарите девушку: она спасла вам жизнь.
- Я уже принесла ей кучу благодарностей. Пусть это и произошло случайно...

Отравленный

- Пилипенко и Жаров стояли над обрывом. Вдали был виден павильон раскопа, цикл носильщиков, пылевой смерч, когда они сбрасывали грунт.
- Уезжать, распрощавшись с Лебедевой, Пилипенко не торопился, а предложил Жарову походить по окрестностям. Они постояли возле предполагаемого места, где закончил свой жизненный путь профессор Коровин, у обрыва, с которого хорошо были видны восточные склоны Ялты, Аю-Даг вдали и Ласточкино гнездо на переднем плане. Прошлись по некруто вздымающейся площадке вверх-вниз и снова оказались на той точке. Пилипенко сказал:
- Один несчастный случай произошел здесь. Другой – чуть было не произошел там.
- Он махнул рукой в сторону раскопа.
- А может быть, это и вправду, того... – нерешительно начал Жаров. – Некие интуитивные события?
 - Промысел самого Господа Бога? Которого нет, между прочим, – ласково заметил Пилипенко.
 - Ну, на эту тему можно и поспорить... – уныло начал Жаров, но друг перебил его:
 - Знаю. Но это надолго. Вот что. Никакого официального дела. Пока еще. И мне не с руки проводить опросы населения. Не смог бы ты завтра пораньше встретиться с этой девушкой?
 - Да я с радостью. Я журналист, мне все можно.
 - Вот-вот. Надо бы узнать, что она сегодня делает в Симфере.
- С утра пораньше Жаров так и сделал: взял такси и приехал в расположение экспедиции. Разумеется, разыскал сразу Лебедеву. Она, похоже, была рада его визиту. Чтобы поддержать легенду, Жаров принялся расспрашивать обо всех членах экспедиции, хотя главным его объектом была Ольга.
- Художник? – переспросила Лебедева. – Сегодня его не видела. На работу не явился, а нам срочно надо горизонт раскопа отрисовать.
 - Как ни странно, Жаров не придал этой информации никакого значения...

– А вы позвоните ему, – посоветовал он.

– Уже звонила. Но там, – ее голос стал манерно-дразнящим, – «Абонент временно недоступен!»

Говоря, они вошли в помещение камералки. Ольга сидела за столом и измеряла циркулем фрагмент керамики. Что-то записывала, набирая на клавиатуре. Она выглядела подавленной, будто даже напуганной чем-то. Оторвалась от компьютера и оглянулась. Сказала:

– Если вы о Боровиче, то он собирался с утра за грибами.

– Так может быть, он до сих пор там? – Жаров махнул неопределенно вверх, в сторону леса, который, как известно, раскинулся в горах, но получилось, будто он указывает на небеса, и Лебедева непонимающе глянула на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.